

и ухудшить отношения между коммуникантами. Тем не менее, стоит отметить, что возникающие в неофициальных условиях общения коммуникативные конфликты гораздо проще уладить, чем в полуофициальных и официальных ситуациях.

Студент обращается к одногруппнику, который чем-то расстроен:

– Эй, ежик гигантского подвида, ты чего надулся, как хомяк. Давай-ка вылезай из-под своего панциря негативных переживаний на свет окружающей среды!

– Слушай, хватит уже! Ежик, хомяк, панцирь... Я что – жертва генной мутации, потвоему?

– Да ладно тебе, не нервничай. Я просто хотел настроение тебе поднять, а ты чего-то как-то не так среагировал...

– Во дает, а! Я же еще и крайний! Хотя, да. Фигня все это. Надо пойти похавать, а то, чувствую, придут за мной двое с носилками...

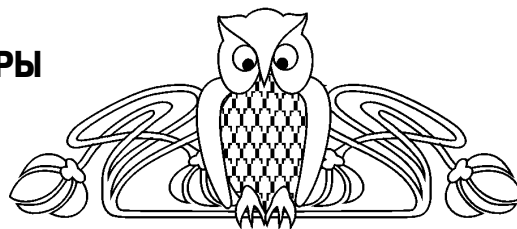
Адресант использует логико-фактический и синтаксический типы ЯИ, но собеседник из-за плохого настроения отрицательно реагирует на его реплику. Коммуникативный конфликт улажен благодаря тому, что собеседник, использовавший игровой прием, вовремя разъяснил адресату свое истинное коммуникативное намерение.

Подведем итоги. Существует ряд факторов, которые необходимо учитывать, чтобы исполь-

зование ЯИ в речи студентов и преподавателей не повлекло за собой коммуникативную неудачу. Прежде всего, стоит ориентироваться на опыт общения с собеседником, его отношение к игровым приемам и их наличие/отсутствие в его речи. Не стоит употреблять ЯИ в общении с человеком, который отрицательно относится к данному явлению. Если собеседники общаются впервые и они не равны по социальному статусу, человеку с более низким социальным положением предпочтительнее воздержаться от использования ЯИ до тех пор, пока несерьезный тон разговора не задаст собеседник. Следует избегать чрезмерного применения ЯИ в коммуникации, поскольку в этом случае общение грозит перерасти в фарс, что негативно отразится на взаимоотношениях участников общения, особенно если речь идет о студентах и преподавателе. При общении в официальной обстановке можно вводить элементы ЯИ в минимальном объеме, если среди участников коммуникации присутствует обладающий высоким социальным статусом человек, положительно относящийся к использованию игровых приемов в речи, поскольку остальные коммуниканты будут ориентироваться на его реакцию на ЯИ. В полуофициальных и неофициальных коммуникативных ситуациях действие этих ограничений значительно ослабевает, но не прекращается.

УДК 821.161.1.09-1/31+929 [Гоголь+Пушкин]

НАРЕЧИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ТЕКСТА (на материале повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» и стихотворения А.С. Пушкина «К***»)

Т.П. Ившина

Московский педагогический государственный университет
E-mail: i.t.p.-56@mail.ru

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ произведений, обоснованный влиянием А.С. Пушкина на творческую судьбу Н.В. Гоголя. При рассмотрении мотива чистоты исследуются лингвистические маркеры прецедентности текста, в том числе и наречия как эстетические единицы, релевантные для цельности текста, в силу их способности аккумулировать смысловый объем и участвовать в создании эмоционально-оценочного поля.

Ключевые слова: прецедентность текста, наречие, мотив, эмоционально-оценочное поле.

Adverbs as the Linguistic Markers of the Text's Precedent (Based on the Storey «Nevsky Avenue» by N.V. Gogol and the Poem «To ***» by A.S. Pushkin)

T.P. Ivshina

In the article comparative analysis of works is held, substantiated by the influence of A.S. Pushkin on the creative life of N.V. Gogol. While

examining the purity motive, linguistic markers of the text precedent are investigated, including adverbs as aesthetic units that are relevant for the text integrity, as they are able to accumulate sense capacity and participate in the creation of the emotive field.

Key words: text's precedent, adverb, motive, emotive field.

«Огромная роль, которую играл в творчестве Гоголя Пушкин, дававший ему и темы и сюжеты, общеизвестна», – констатирует М.А. Цявловский, более тридцати лет занимавшийся исследованием творческого наследия поэта¹. Однако, доказывая пушкинское происхождение гоголевских текстов, ученый отмечает своеобразное использование писателем разговоров с поэтом, находит в них иную природу, несмотря на записанное П.В. Анненковым шутливое замечание самого Пушкина: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя»².

В.В. Набоков, автор книги «Nikolaj Gogol», не соглашался с утверждением о всеобъемлющем

влиянии Пушкина на Гоголя, считал, что дружба писателя с поэтом – миф, придуманный самим Гоголем³.

Подробно рассматривают историю взаимоотношений Пушкина и Гоголя, роль поэта в литературной судьбе Гоголя, в том числе и оценку «Невского проспекта», данную Пушкиным, Н.Н. Петрунина и Г.М. Фридендер, которые, на наш взгляд, справедливо замечают: «Гоголь имел полное основание подчеркивать после смерти Пушкина его роль в истории создания своих крупнейших произведений»⁴.

Современные исследования творчества Гоголя и Пушкина в сопоставительном аспекте строятся по разным основаниям. Так, А.В. Злочевская, проводя сравнительно-сопоставительный анализ «Ревизора» Н.В. Гоголя и «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, называет «Ревизор» экстравагантным примером «глубоко запрятанной пародии, перелицовки сюжета трагического в комический и одновременно пародирования русской истории»; их сходство она видит прежде всего в пародийном отражении «одного из ключевых сюжетов русской истории – о самозванстве»⁵.

Любопытна точка зрения Ю. Милославского, который считает необоснованным искать между творчеством А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя в 1830-е годы точки соприкосновения, обусловленные «историческими закономерностями литературного развития», как это делают, по его мнению, Н.Н. Петрунина и Г.М. Фридендер. «В науке о литературе, – пишет ученый, – к числу полноценных вещественных доказательств принято относить художественный текст»⁶.

Ю. Милославского поддерживает О. Прокурин: «Что бы ни утверждал Гоголь, “пушкинское” в главнейших произведениях Гоголя нужно, видимо, искать не в “главном” – в сюжете, идеях, характерах, а во “второстепенном”»⁷. Надо полагать, заключая в кавычки «главное» и «второстепенное», автор главным считает сам текст, особенности поэтического взгляда на мир и соприкосновение авторских систем в лингвоэстетической сфере.

«Отголоски рассказов Пушкина»⁸ в повести «Невский проспект», по нашему мнению, звучат не только в темах Петербурга и маленького человека, но и в прецедентности пушкинского текста. Мы обратили внимание на близость отрывка из повести Гоголя, связанного с повествованием о встрече Пискарева с прекрасной незнакомкой, пушкинскому стихотворению, посвященному Керн. Не ставя перед собой задачи филологического анализа повести, попытаемся показать роль наречий наряду с другими художественными средствами не только в создании эмотивного поля текста, но и в реализации авторской идеи, сопряженной с темой нравственной чистоты, которая звучит и в стихотворении Пушкина, что позволило объединить столь разные произведения в одном исследовании.

Замысел повести, относящийся к 1831 г., напрямую не связан со стихотворением А.С. Пушкина «К***» 1925 г., однако, на наш взгляд, в гоголевском произведении есть аллюзии и реминисценции, отсылающие читателя к пушкинскому тексту.

Показательно, что при сравнении «Я помню чудное мгновенье...» А.С. Пушкина и «Сияла ночь...» А.А. Фета Е.В. Василенко⁹ свой вывод о сходстве произведений в основной идее – утверждении возможности сопротивления тяготам жизни и торжества идеала над действительностью – подкрепляет призывом Гоголя: «Буди чаще наши меркантильные души! <...> Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный цинизм, сияющий овладеть нашим миром...»¹⁰. Этим же авторским чувством проникнута повесть Гоголя «Невский проспект», отнесенная М.А. Цявловским к физиологическим очеркам.

Нам показалось несчастливым обращение Н.В. Гоголя в повести к мотиву душевной чистоты, который особенным образом сближает Гоголя с Пушкиным. Приведем отрывки из «Письма к...ой», в которых Н.В. Гоголь как учитель и поводырь, по словам Набокова, говорит о женской сути:

Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки;

...вы имеете уже красоту, во-вторых – неопозоренное, неоклеветанное имя, в-третьих – власть, которой сами в себе не подозреваете, – власть чистоты душевной;

Но вы имеете еще высшую красоту, чистую прелесть какой-то особенной, одной вам свойственной невинности, которую я не умею определить словом, но в которой так и светится всем ваша голубиная душа»¹¹.

Сквозь весь «Невский проспект» проходит мотив чистоты. Так, в несобственно прямой речи, раскрывающей восприятие Пискаревым случайно встреченной им на проспекте развратной женщины, автор в воображении героя создает образ, олицетворяющий саму непорочность, чистую красоту:

Все черты ее были так чисто образованы, все выражение прекрасного лица ее было означено таким благородством, что никак бы нельзя было думать, чтобы разврат распустил над нею страшные свои когти (с. 18)¹².

Наречие *чисто* в контексте обладает широким смысловым объемом: оно обозначает и притягательность непорочности, и правильность черт лица, их совершенство, и отношение к этой женщине (как к необыкновенному созданию) героя, который стремится во всем видеть чистоту. Последнее усиленно репрезентируется автором в прямом и метафорическом употреблении с корнем *чист* в разных контекстах:

... **чисто** подметены ... тротуары (с. 7);
Екатерининский канал, известный своею **чистотой** (с. 8);

... красота нежная... она только с одной непорочностью и **чистотой** сливается в наших мыслях (с. 18);

Чрез эти сновидения самый предмет как-то более делался **чистым** и вовсе преобразался (с. 25);

Если она изъявит **чистое** раскаяние и переменит жизнь свою, я женюсь тогда на ней (с. 26);

Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту **чист** и непорочен, как девственный юноша (с. 16) и др.

Несовпадение мечты и реальности, а глубже – стремления и невозможности его осуществления приводит героя к трагическому финалу (*О, как отвратительна действительность! Что она против мечты?* – с. 23). Это противоречие реализуется на поверхностном уровне текста (лингвистическом) с помощью семы странного (причем и в авторской речи, и в речи персонажа), которую можно назвать ключевой, так как она вербализуется 11 прилагательными, 1 существительным, 8 наречиями (в том числе предикативными):

... **странно** сели две вороны... (с. 39);

... **странные** характеры встречаются на Невском проспекте! (с. 10);

Этот молодой человек [Пирогов] принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно **странное** явление... (с. 13);

Женщина <...> так **странно** и нагло посмотрела на Пискарева... (с. 16);

... **странными** показались обстоятельства <...> встречи (с. 22);

В голове его [Пискарева] родились **странные** мысли (с. 26);

...улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости; она так была **странна** и так же шла к ее лицу, как идет выражение набожности рожее взяточника или бухгалтерская книга поэту (с. 17);

Она слушала его с внимательным видом и с тем чувством удивления, которое мы изъявляем при виде чего-нибудь неожиданного и **странного** (с. 27);

Вседневное и действительное **странно** поразило его слух (с. 23);

Наконец сновидения сделались его жизнью, и с этого времени вся жизнь его приняла **странный** оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне (с. 23);

Как **странно**, как непостижимо играет нами судьба наша! (с. 38);

Но **страннее** всего происшествия, случившиеся на Невском проспекте (с. 39) и др.

Оценка происходящего как странного углубляет ту пропасть, которая лежит между представлением о жизни и реальностью и которая не может быть преодолена путем компромисса с действительностью, что выражается и глагольно, и адъективно:

Он **содрогнулся**. Она раскрыла свои хорошие улыбки уста и стала говорить что-то, но все это было так **глупо**, так **пошло** (с. 17).

Неприятие героем поведи реальной жизни, расходящейся с представлением о ней, обозначенное семой **странного**, соотносится с авторским отношением к изображаемому. Если в начале повести (*Нет ничего лучше Невского проспекта...* – с. 7) странное можно интерпретировать как ‘отличающееся от обыденного, неординарное’, то в художественной цельности странное – ‘неестественное, лишенное чистоты’ (= настоящей жизни), а потому и ‘неприятное’, это

Тот притом, где человек святотатственно подавил и посмеялся над всем чистым и святым, украшающим жизнь, где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то **странное**, двусмысленное существо, где она вместе с чистотой души лишилась всего женского и отвратительно присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом (с. 17).

Здесь Гоголь сталкивает сферы чистого и странного в антонимии вторичных номинаций женщины, которые сопровождаются лексикой не только оценочно-характеризующей, но и объясняющей оценки (что отражает авторскую рефлексию, так как личное местоимение *нас*, персонифицируя автора, маркирует объединение авторской точки зрения с точкой зрения персонажа):

	чистое	странное
женщина	красавица мира венец творения чистота души слабое, прекрасное, отличное от мужчин существо	двусмысленное существо лишилась всего женского присвоила ухватки и наглости мужчин перестала быть им
жизненный итог	все чистое и святое, украшающее жизнь, человек подавил и посмеялся	
оценка	святотатственно	отвратительно

Однозначность негативной оценки, выраженной наречиями разной стилистической окраски, бесспорна. Но если в наречии *отвратительно* превалирует личностная оценка, то наречие *святооткровенно*, вынесенное автором в препозицию, укрупняет оценку и проецирует ее как на композиционное решение фразы, построенной на антитезе, так и на интонационное и содержательное: пафос, который задан наречием, поддерживают градация и ряды однородных членов; а в контексте художественного целого наречие коррелирует с семой божественности, присутствующей и в стихотворении А.С. Пушкина. Только у Гоголя чистота опорочена человеком, чем и вызвано употребление наречия высокого стиля. Странное связано с уничтожением чистоты и потому *отвратительно*.

Для общего сравнения текстов справедливым оказывается замечание В.П. Авенариуса о сущности творчества этих авторов: «...оба – воплощенная жизнь; но Пушкин – вся ее красота и поэзия, Гоголь – вся ее будничная, неприкрашенная правда»¹³. Неслучайно в финале повести итоговое восклицание – отголосок опыта, приведшего к разочарованию:

О, не верьте этому Невскому проспекту! (с. 39).

Примечательно, что стихотворный текст-повествование, не содержащий описания самого восплаемого предмета, лишь оценочной лексикой возбуждает читательское воображение, создавая не только образ женщины и представление о созидательной роли женской красоты, но и историю жизни лирического героя в шести лаконичных строфах, уложенных в такие синтаксические конструкции, которые легко воспринимаются, несмотря на инверсию, развернутые обстоятельства с генитивными сочетаниями, абстрактную лексику, свойственную книжной речи. Прозрачность текстовых связей, понятность и точность лексики, соответствие жизни, необыкновенная гармоничность и легкость стиха, обеспечивая простоту его восприятия, делают его отражением и личных чувств читателя, заставляя не просто переживать чужую ситуацию, а становиться в позицию лирического героя, сравнивая свои чувства с выраженными в стихотворении. Н.В. Гоголь, испытывающий глубочайшее уважение к таланту А.С. Пушкина, не мог оказаться вне воздействия стихотворения великого поэта.

Емкость сжатой пушкинской фразы, словасимвола детализируется в прозаическом отрывке Гоголя, в котором перемежаются и повествование, и описание, и рассуждение. Рассматривая лишь сюжетную линию Пискарев – прекрасная незнакомка, попытаемся проследить аллюзии и реминисценции в повести в соответствии с текстом стихотворения.

Так, первая строфа пушкинского стихотворения явно просматривается в нарративе Гоголя:

*Он [Пискарев] не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание **улетавшей вдали красавицы**, тем более допустить такую черную мысль, о какой намекал ему поручик Пирогов; но ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, **слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда** (с. 13).*

Заметим, что мимолетность встречи, зыбкость мечты подчеркиваются наречиями и субстантивом в функции обстоятельства места, что устанавливает непреодолимую преграду между героем и неизвестной прекрасной женщиной. Эфемерность ожиданий Пискарева усиливается и глаголом в синтаксической функции обстоятельства:

*...но как **утерять это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось **гостить**** (с.15).*

Пушкинское *мимолетное* видение, сопряженное со всей жизнью лирического героя, счастьем, соотносится с гоголевским текстом:

*Нет, это уже не мечта! Боже! столько счастья **в один миг!** такая чудесная **жизнь в двух минутах!** (с. 16).*

Соотносимость текстов не только во временной ограниченности самого факта, но и в способах номинации субъекта: у Пушкина – *видение*, у Гоголя – *явление*:

*Красавица, так **околдовавшая бедного Пискарева**, была действительно чудесное, **необыкновенное явление** (с. 18).*

Однако в жизненных обстоятельствах героя Гоголя это эмоциональное совпадение лишь кажущееся, восклицание Пискарева усиливает трагичность ситуации в контексте всей его истории.

Гоголь не употребляет заимствования из Жуковского «гений чистой красоты» (*Минувших дней я сохранил – / Цветы мечты уединенной / И жизни лучшие цветы, – / Кладу на твой алтарь священный, / О Гений чистой красоты!*¹⁴), ставшего широко известным благодаря Пушкину¹⁵, однако тема чистоты звучит и в описании внешности незнакомки, где образ *чистой красоты* писатель передает адвербиально:

*Все черты ее были так **чисто** образованы...* (с. 18).

Мотив безнадежной грусти в шумной суете Петербурга также звучит в «Невском проспекте». Он реализуется в первую очередь через абстрактные существительные (*сомнение, гармония, благоговение*, имплицитно – *разрушение*) и противопоставления разного рода. Это столкновение выражения объективной модальности в предложении (ирреальности и реальности действия: *Она **бы составила божество** – она **была** какую-то ужасною волею адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни, брошена с хохотом в его пучину* – с. 18), разного смыслового содержания глагольных форм прошедшего времени при видовом

контрасте (перфектное значение в первой части предложения как обращенность к настоящему и плюсквамперфектное как связь с прошлым – во второй: *готов был ... позабыться, как позабылся прежде* – с. 17), а также объединение в границах узкого лингвистического контекста лексики движения и статики (*тротуар неся; кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы* – с. 15). Все это подчеркивает противоречия в душе Пискарёва – в этом своеобразии Гоголя, о котором говорили В.П. Авенариус и М.А. Цявловский. Вещные детали: *мост, арка, дом, крыша, алебарда часового, золотые слова вывески, будка с нарисованными ножницами, многолюдный зал, толпы поклонников* – наряду с глаголами движения конкретизируют *шумную суету* Петербурга.

Совпадают все чувства и характеристики, отмеченные Пушкиным и полученные у Гоголя отчетливость. В пушкинском тексте реальный облик женщины передан лишь двумя штрихами, не дающими зримого представления о ней: *голос нежный, милые черты*. Прозаический жанр повести позволяет писателю представить небесные черты в развернутом описании:

Ослепительной белизны прелестнейший лоб осенен был прекрасными, как агат, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть их, падая из-под шляпки, касалась щеки, тронутой тонким свежим румянцем, проступившим от вечернего холода (с. 14–15);

поворот хорошенькой головки; по легким следам прекрасных ножек (с. 15);

завучал, как арфа, голос (с. 16);

Но она стояла перед ним так же хороша; волосы ее были так же прекрасны; глаза ее казались все еще небесными. Она была свежа; ей было только семнадцать лет; видно было, что еще недавно достигнул ее ужасный разврат; он еще не смел коснуться к ее щекам, они были свежи и легко оттенены тонким румянцем, – она была прекрасна (с. 17).

Пушкинское *небесные черты* обусловлено у Гоголя обстоятельством *с неба*, что привносит в смысловой объем эпитета кроме семы красоты еще и сему необыкновенности. Двойной повтор существительного *божество* и производного прилагательного еще более возвышает придуманный героем образ. Если эта характеристика представлена Гоголем эксплицитно (*Боже, какие божественные черты!* (с. 17); *Она бы составила божество в многолюдном зале, на светлом паркете, при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников* (с. 18); *Такая красавица, такие божественные черты; ...как утратить это божество* (с. 15), то *вдохновенье*, пробуждаемое гармоничной красотой, имплицитно присутствует в прямой речи персонажа:

Я бы призывал тебя, как ангела-хранителя, пред сном и бдением, и тебя бы ждал я, когда бы случилось изобразить божественное и святое (с. 25).

Думается, и строки о тихом вдохновении и гармонии при описании внешности незнакомки появляются у Гоголя как рефлексивное отражение пушкинского стихотворения:

Все, что остается от воспоминания о детстве, что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, – все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах (с. 15).

Следует заметить, что Гоголь, несмотря на отдельные детали (*длинные ресницы, яркая белизна руки сквозь тонкий сиреневый цвет* – с. 21), так же, как и Пушкин, создает обобщенный образ. Жизненность ситуаций, в которых оказывается Пискарёв в своих снах, не может придать жизни бесплотному образу-мечте, образу-желанию. Явственность жизни проступает в те моменты, которые противоречат мечте и не укладываются в сознании художника: она в реальных деталях, отвергаемых резкими оценками (неслучайно далее в повествовании о Пирогове место мечты займет материальность, воплощенная однозначной будничной номинацией *блондинка*).

Пушкинское *И сердце бьется в упоенье* также неоднократно воспроизводится Гоголем в других формах:

сердце его билось (с. 13, 26);

сердечное биение (с. 15);

при этом взгляде затрепетало его сердце (с. 15);

Колени его дрожали; чувства, мысли горели; молния радости нестерпимым острием вонзилась в его сердце (с. 16).

Строка второй строфы *И снились милые черты* явно соответствует снам героя, заменившего жизнь на сон, где сон кажется настоящей жизнью, а реальная жизнь – сном, от которого хочется уйти.

Две последние строфы стихотворения звучат как гимн женской красоте в самом высоком смысле и созидательной силе любви к женщине:

И сердце бьется в упоенье,

И для него воскресли вновь

И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь.

Они тоже находят отражение в гоголевском тексте, но только теперь в нем, наоборот, отдельные чувства (разрозненные субъекты, собранные в единое целое с помощью анафоры-полисиндетона) обобщаются одной номинацией:

...художник Пискарёв, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться в пламя (с. 14);

все чувства его горели (с. 15).

Последняя строфа стихотворения, возвращающая гармонию жизни лирическому герою стихотворения Пушкина, своеобразно преломляется в повести Гоголя. Уход героя от ужасающей действительности мог бы в какой-то мере символизировать обретение им внутренней гармонии, отказ от предательства собственной

мечты, если бы это могло совмещаться с благом по канонам христианства (и Гоголь подчеркивает это в финале рассматриваемой сюжетной линии употреблением слов, которые объединяются лексико-семантической группой *безумие*). Его нельзя расценивать и как протест против действительности, скорее – отчаяние от невозможности примирения с ней:

О, это уже слишком! этого нет сил перенести. Он бросился вон, потерявши чувства и мысли. Ум его помутился: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день <...> каким-то глупым инстинктом зашел он на свою квартиру, бледный, с ужасным видом, с растрепанными волосами, с признаками безумия на лице. <...> По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была неверна и что он долго еще мучился, прежде нежели грешная душа его оставила тело (с. 27).

Абсолютно справедливы и применимы к художественной ситуации слова екатеринбургского скульптора и графика Николая Предеина: «Россия “состоит” из Пушкина и Гоголя, как вода из водорода и кислорода. И формула России такая: Р=Г2П. Гоголя в России заметно больше, чем Пушкина. Путаницы, фантазмагии, гротеска, куража, мессианства, тоски гораздо больше, чем гармонии, покоя, лиризма, элегичности, воли, высокой трагедии. Трагедия в России невнятна, мимоходна, случайна, нечаянна, нелепа даже...»¹⁶. Нелепость трагического исхода связана с нелепостью (=невозможностью) для героя отсутствия той внутренней чистоты, которую он искал и которая так настойчиво проявляется внешне.

Все содержание повести можно представить в виде схемы, основанной на взаимодействии номинативного и переносного значений наречия *чисто* и рефлексивного их отражения в рационально-оценочных наречиях, репрезентирующих разные типы сознания, по Б.О. Корману¹⁷ – сознания персонажа и автора, что составляет основу для понимания глубинного содержания произведения. С одной стороны находится поле «чистоты» (детализованное лексикой разных грамматических классов), с другой – оценочное поле с доминирующим в нем по силе экспрессии наречием *святотатственно*. Чистота всегда ассоциировалась со святостью, поэтому Гоголь называет художника Пискарева жертвой безумной страсти, однако глубинное содержание повести намного шире: фон, созданный в повести автором, выводит произведение за рамки «физиологического очерка» к социально-философскому обобщению.

Мы ставили перед собой лишь частную задачу – обосновать обращение к сопоставительно-сравнительному анализу мотива чистоты в произведениях двух великих современников, показав при этом роль наречий как важных

структурно-семантических элементов повести Гоголя, оправданность чего доказал не только лингвистический материал повести, но и фоновый контекст, расширение которого открывает новый взгляд на произведение Гоголя. Привлекая литературно-исторический материал, в частности стихотворный протест А.С. Пушкина против увлечения В.А. Жуковского Востоком в защиту русской поэзии как европейской, можно рассматривать повесть Н.В. Гоголя в качестве его собственного участия в полемике великих поэтов, поскольку содержание пушкинского стихотворения носит общечеловеческий характер, а гоголевское произведение – сугубо русский. Но это является предметом уже другого исследования.

Примечания

- 1 Ученый, показывая влияние «Домика в Коломне» на творчество Н.В. Гоголя как одного из многих авторов, преклонявшихся перед гениальным современником, пишет: «“Домик в Коломне” послужил поводом дать широкую картину бытописи. <...> Восхищенный Коломной в поэме Пушкина, Гоголь в “Портрете” решил дать свою Коломну. <...> Но этим очерком Коломны не ограничивается воздействие Пушкина на Гоголя в “Портрете”». См.: Цявловский М. Отголоски рассказов Пушкина в творчестве Гоголя // М. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 252–259.
- 2 В.П. Дорофеев, автор вступительной статьи к «Литературным мемуарам» П. Анненкова и примечаний, не вполне доверяет свидетельству биографа поэта, а также называет фальсифицированными воспоминания О.С. Павлищевой – сестры Пушкина (Пушкин якобы заметил своей жене: «Язык мой – враг мой. Гоголь – хитрый малоросс, воспользовался моим сюжетом»). См.: Дорофеев В. П.В. Анненков. Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года // П.В. Анненков. Литературные воспоминания (Серия литературных мемуаров). М., 1960. URL: http://gogol.lit-info.ru/gogol/vospominaniya/annikov_1.htm (дата обращения: 30.08.10).
- 3 Набоков В. Собр. соч.: в 5 т. СПб., 1997. Т. 1.
- 4 Петрунина Н., Фридендер Г. Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы: в 17 т. Л., 1969. Т. 6. С. 197–228.
- 5 Злочевская А. Два самозванца в русской литературе, или Еще один пушкинский сюжет в «Ревизоре»? // Русская словесность. 2003, № 4. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/352764.html> (дата обращения: 30.08.10).
- 6 Милославский Ю. Пушкин – Гоголь – Хлестаков. // День литературы. 2009, № 3, март. URL: <http://www.zavtra.ru/denlit/lit/151/61.html> (дата обращения: 30.08.10).
- 7 Проскурин О. Посмертное братство: Как Гоголь стал Пушкиным, а Пушкин – Гоголем // Русская жизнь. URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1319/> (дата обращения: 30.08.10).
- 8 См.: Цявловский М. Указ. соч. С. 252.
- 9 Василенко Е. Моление перед совершенством: «К***» («Я помню чудное мгновенье...») Александра Пушкина

- кина и «Сияла ночь...» Афанасия Фета. URL: <http://lit.1september.ru/2006/11/7.htm> (дата обращения: 30.08.10).
- ¹⁰ Цит. по: *Гоголь Н.* Полное собр. соч.: в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 12–13.
- ¹¹ *Гоголь Н.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 14–16.
- ¹² Здесь и далее цит. по: *Гоголь Н.* Невский проспект // Полное собрание сочинений и писем. Т. III. Повести. Т. IV. Комедии. М.; Киев, 2009. (Указания на страницы приводятся в скобках.)
- ¹³ *Авенариус В.* Чем был для Гоголя Пушкин // О Пушкине: Биографическая диалогия. Литературные очерки. Лицейские стихотворения А.С. Пушкина. М., 1998.
- ¹⁴ *Жуковский В.* «Я музу юную, бывало...» // Жуковский В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1959. Т. 1. С. 367–368.
- ¹⁵ А. Фирсов, цитируя «Лаллу Рук» Жуковского, 1) искажает оригинал, в котором «Ах! Не с нами обитает / Гений чистый красоты», 2) односторонне рассматривает стихотворение Пушкина как пародию на текст Жуковского только в контексте столкновения с живой речью классической поэтической образности и норм словоупотребления. См.: *Фирсов А.* Революционный язык Пушкина и Лермонтова, или «Учите олбанский». 2008. URL: <http://www.democracy.ru/library/newsarchive/article.php?id=2333> (дата обращения: 30.08.10).; *Жуковский В.* Лалла Рук // Жуковский В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1959. Т. 1. В.Е. Ветловская в пародии видит другое: обращение Пушкина к восточной теме рассматривает как отражение творческой полемики с Жуковским, отдающим предпочтение переводам восточных сюжетов Т. Мура, которые не стоят, по мнению Пушкина, внимания; а увлечение Жуковского Востоком в пушкинской оценке – как измену европейского поэта европейским формам искусства, в сущности – как измену большого художника своей собственной поэтической природе. См.: *Ветловская В.* «Иных уж нет, а те далекие...» // Пушкин: Исследования и материалы: в 17 т. Л., 1986. Т. 12. С. 104–123.
- ¹⁶ Цит. по: *Агишева Г.* Роман с Гоголем. 2009. URL: <http://www.izvestia.ru/obshchestvo/article3124995/> (дата обращения: 30.08.10).
- ¹⁷ *Корман Б.* Практикум по изучению художественного произведения: учеб. пособие. Изд. 3-е. Ижевск, 2003.

УДК 811.161.1'38: 070

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРИФРАЗ ИЗВЕСТНЫХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Е.Г. Еськова

Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского
E-mail: rusclasphil@mail.ru

В статье анализируются интеллектуализованные перифразы известных лиц в современных русских медийных текстах, определяются их специфические черты.

Ключевые слова: речь масс-медиа, перифразы известных лиц, интеллектуализация.

Intellectualization of Periphrases of Famous Persons in Modern Media Texts

Ye.G. Eskova

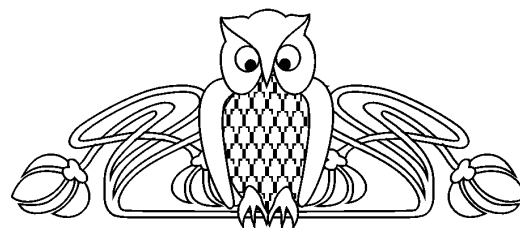
The article analyzes intellectualized periphrases of famous persons in the modern Russian media texts. Their specific features are determined in the work.

Key words: mass media speech, periphrases of famous persons, intellectualization.

В создании перифраз известных лиц сочетаются две разнонаправленные тенденции, общие для развития языка – тенденция к интеллектуализации и тенденция к демократизации.

В настоящее время одной из главных областей их употребления являются медийные тексты.

Тенденция к демократизации русской речи на материале современных перифраз известных

лиц проявляется сильнее, чем тенденция к её интеллектуализации. Удачных перифраз, образно передающих облик или сущность обозначаемого лица, естественно, меньше, чем перифраз, построенных на основе моделей-штампов, закреплённых в массовом сознании носителей русского языка. Но именно перифразы известных лиц, созданные в русле тенденции интеллектуализации, являются особо ценными, поскольку свидетельствуют о богатстве выразительных средств и возможностей русского языка, о творческом потенциале его носителей, служат основой для формирования перифрастического фонда.

Материалом нашего исследования являются данные перифрастического словаря, составленного нами на основе материала современных СМИ (свыше 1500 номинаций).

На интеллектуализованных перифразах всегда лежит печать их творца. Перифрастическая номинация передаёт комплекс сведений о её создателе (степень информированности и эрудиции, диапазон начитанности, развитие ассоциативных и логических связей, степень наблюдательности, творческие возможности, владение языковыми средствами).

Такие перифразы являются своего рода речевыми находками, они не создаются с расчётом на массового адресата, воспринимающего их бегло и поверхностно, а наоборот, употребляются с расчётом на внимательное, вдумчивое восприятие.